

Тан Шэнь знал: Ван Чжэнь спешил в Цычжоу изо всех сил только ради него. Теперь, когда Ван Чжэнь открыто выразил свое отношение, тяжелый камень наконец свалился с души Тан Шэня.

Он уже собирался уходить, но Ван Чжэнь поднялся со своего кресла и перехватил его за запястье.

— Старший брат Цзыфэн?

— Цзинцзэ, я сегодня очень рад.

Тан Шэнь опешил.

— ...Я не совсем понимаю тебя, старший брат.

Ван Чжэнь улыбнулся. Его и без того тонкие, словно сошедшие с картины черты лица потеплели, став еще мягче и изящнее. Он разжал пальцы:

— Иди.

Тан Шэнь только молча изумился. Что еще за блажь нашла на Ван Цзыфэна?

Вернувшись к себе в смятении, Тан Шэнь весь день читал доклады. Вечером он увидел, как из главных ворот Дворца Циньчжэн один за другим выезжают экипажи четырех канцлеров, а следом за ними — кареты чиновников второго ранга с фонарями министерских усадеб. Лишь после того как дворец покинули все сановники третьего ранга и выше, пришел черед разъезжаться чиновникам четвертого ранга, к которым принадлежал и сам Тан Шэнь.

В начале девятого месяца Яо Сань и Тан Хуан отправились в Нинчжоу.

Через полмесяца они вернулись. Яо Сань передал Тан Шэню письмо:

— Молодой хозяин, я встретился с Ван Цюанем и передал ему ваше письмо. Он сказал, что все в порядке, и написал вам ответ. Вот, взгляните.

Тан Шэнь распечатал послание и принялся внимательно читать.

В письме Ван Сяо сообщал новости о строительстве тракта Нинчжоу.

Из трех дорог тракт Нинчжоу прокладывать было проще всего. Однако погода переменчива: на севере зарядили проливные дожди, размыв землю в вязкую грязь, что сильно мешало работам. Из-за этого строительство затянулось, и дорогу, которую планировали завершить к концу девятого месяца, теперь вряд ли сдадут раньше конца десятого.

Но Тан Шэня такие сроки вполне устраивали: наплыв посетителей в Терем Сися ожидался лишь к началу одиннадцатого месяца.

Тем не менее левый помощник министра приказа общественных работ Ли Юйдэ, руководивший строительством тракта Нинчжоу, сумел всех приятно удивить.

Уже в начале десятого месяца тракт Нинчжоу был полностью завершен.

Ли Юйдэ вернулся с докладом об успешном завершении работ в Шэнцзин, как раз успев исполнить поручение к дню рождения Чжао Фу. Император пришел в неописуемый восторг и щедро осыпал его наградами.

По случаю именин Сына Неба ликовала вся страна.

В тот день в обеденный час Тан Шэнь тайком устроился перекусить в канцелярии министра. Ван Чжэнь же, едва притронувшись к еде, положил палочки и с мягкой улыбкой принялся наблюдать за ним.

Под этим пристальным взглядом кусок не лез Тан Шэню в горло.

— Старший брат... — Тан Шэнь осекся. Что это он удумал?

— Знаешь ли ты, какой сегодня день? — спросил Ван Чжэнь.

Услышав вопрос, Тан Шэнь сперва опешил, а затем едва сдержал улыбку.

До чего же забавный человек этот Ван Цзыфэн. Разумеется, Тан Шэнь знал, что сегодня день рождения его наставника. Да и трудно было забыть эту дату: день рождения Ван Чжэня приходился аккурат накануне именин императора. Но Тан Шэнь и подумать не мог, что Ван Чжэнь придает этому такое значение. От его вопроса Тан Шэню на миг показалось, будто капризная девица допрашивает своего возлюбленного о годовщине их отношений.

Ужаснувшись столь нелепому сравнению, Тан Шэнь неловко кашлянул:

— Сегодня день твоего рождения, старший брат.

— Вечером учитель придет ко мне на ужин. Когда ты присоединишься к нам, Цзинцзэ?

«Неужели и Фу Вэй придет?» — подумал Тан Шэнь.

— Как только освобожусь со службы, забегу домой сменить чиновничье платье и сразу же отправлюсь в резиденцию министра, — ответил Тан Шэнь.

Так в Резиденции Министра финансов отпраздновали двадцатисемилетие Ван Цзыфэна.

На следующий день наступили именины Сына Неба, и празднование охватило всю страну.

К одиннадцатому месяцу в Шэнцзин пришла лютая стужа, и гостей в Тереме Сися заметно прибавилось. К счастью, перебоев с поставками говядины и баранины не возникло: благодаря новому тракту Нинчжоу гонцы с товаром успевали обернуться туда и обратно всего за один день.

В начале двенадцатого месяца управляющий Лу и Яо Сань отправились на север. По возвращении управляющий Лу протянул Тан Шэню обломок белой породы. При виде него глаза Тан Шэня загорелись. Он долго вертел камень в руках, изучая его со всех сторон, а затем поднял взгляд:

— Где вы его отыскали?

— В самом Нинчжоу ничего подобного нет, — ответил управляющий Лу. — Пришлось подняться еще дальше на северо-восток, почти к самой границе с Государством Ляо. Молодой хозяин, это и есть тот самый доломит, что вы искали? Ох и намучился же я с ним! Ведь тамошние жители зовут его не доломитом, а доломитом!

Доломит, известный также как доломит, состоит в основном из карбоната кальция и магния и представляет собой довольно распространенный минерал.

Насколько помнил Тан Шэнь, в будущем запасы доломита были огромны, и он не считался редкостью. Однако в нынешнюю эпоху отыскать его оказалось непросто. Во-первых, этот минерал никому не был нужен. Сейчас руду использовали разве что для выплавки железа, изготовления фарфора да в качестве красителей. Но для выплавки железа или производства керамики доломит не годился, а делать из него краску было и вовсе бессмысленно.

А раз нет спроса, то нет и предложения.

Во-вторых, до сих пор никому не удавалось обнаружить месторождение доломита высокой степени чистоты.

Учитывая уровень развития технологий в это время, для варки стекла требовалось сырье исключительной чистоты. Но даже при соблюдении этого условия получить абсолютно прозрачное стекло было невероятно трудно.

Да, Тан Шэнь вознамерился изготовить стекло.

Вообще говоря, стекло не являлось изобретением Нового времени. Еще за три тысячи лет до нашей эры египтяне изготавливали из него посуду. А к пятому веку до нашей эры римляне освоили технику выдувания стекла с помощью глиняных трубок. Этот способ просуществовал тысячелетия, и даже в далеком будущем мастера-ремесленники продолжали создавать стеклянные художественные изделия старинным методом.

Но ни в историческом Китае, ни в Великой Сун, где сейчас жил Тан Шэнь, стекольное ремесло не шло ни в какое сравнение с западным.

В Великой Сун стекло тоже знали, но называли его цветной глазурью. Изделия из этого редкого и баснословно дорогого материала получались изысканными и чарующими. Каждая чаша ценилась на вес золота и предназначалась исключительно для императорской семьи. Поскольку сырье добывали преимущественно цветным, дворцовая утварь тоже переливалась всеми красками радуги; прозрачное же стекло практически не встречалось.

На самом деле сварить стекло было не так уж сложно.

Тан Шэнь немного подумал и спросил:

— А как обстоят дела с полевым шпатом и песчаником?

— С этим проблем не возникнет, — ответил управляющий Лу. — В Бэйчжили есть подходящие залежи.

— Прекрасно. Управляющий Лу, через пару дней отправьте повозку на северо-восток и привезите партию доломита наивысшей чистоты.

— Будет сделано!

Управляющий Лу не понимал, что затеял Тан Шэнь, да и не пытался вникнуть. В конце концов, молодой хозяин дурного не сделает — подумаешь, попросил несколько телег камней. Иные господа увлекаются драгоценной яшмой, а Тан Шэнь любит возиться с булыжниками — чем не благородное хобби? По крайней мере, на таких безделушках они точно не разорятся.

Вскоре управляющий Лу доставил в Шэнцзин несколько телег с доломитом, полевым шпатом и песчаником. Все сырье отвезли за город, прямо в Мыловаренную мастерскую семьи Тан.

Закончив службу в приказе, Тан Шэнь сразу же поспешил туда и с головой ушел в опыты.

Процесс варки стекла довольно прост: требуются лишь доломит, полевой шпат, песчаник и гидроксид натрия.

С получением гидроксида натрия Тан Шэнь уже сталкивался при мыловарении. Пользуясь накопленным опытом, он быстро приготовил целую банку едкого натра и бережно перелил его в глиняный кувшин. Полевой шпат и песчаник богаты кремнием; если с помощью гидроксида натрия окислить доломит, а затем путем химической реакции получить силикаты, то из них выйдет простое, пусть и грубое стекло.

Но сказать легко, а сделать трудно!

В прошлой жизни Тан Шэнь изучал материаловедение, однако в лаборатории у него никогда не было недостатка в чистых реактивах, и уж точно ему не приходилось варить стекло из неочищенной природной породы.

Тан Шэнь нанял нескольких ремесленников, но только на то, чтобы истолочь камни в мелкий порошок, у них ушел целый день. Из-за низкой чистоты сырья ему приходилось безостановочно проводить опыты, пытаясь опытным путем подобрать идеальные пропорции.

Шел двенадцатый месяц, приближался Новый год.

На Шэнцзин обрушился первый зимний снегопад, укрыв город ослепительно белым покрывалом. На улицах выросли сугробы, сквозь которые прохожие и повозки протаптывали узкие тропинки и накатывали колеи. В преддверии праздников дома украсились гирляндами и яркими фонарями. Двенадцатого числа двенадцатого месяца государственные службы закрылись на новогодние каникулы, которые должны были продлиться вплоть до окончания Праздника фонарей.

Вернувшись домой из приказа, Тан Шэнь стряхнул с плеч налипший снег. Тётушка Яо поднесла ему чашу горячего куриного бульона. Выпив его, Тан Шэнь сразу согрелся. Оглядевшись по сторонам, он спросил:

— А где Тан Хуан?

— А-Хуан с Яо Санем ушли за покупками к празднику, — с улыбкой ответила Тётушка Яо.

Тан Шэнь кивнул.

К вечеру Тан Хуан и Яо Сань вернулись домой.

Поместье Таньхуа представляло собой просторную усадьбу с тремя внутренними дворами, к которым по бокам прилегали еще два поменьше. Тан Шэнь собирался нанять слуг и служанок для уборки столь обширных владений, но Тётушка Яо наотрез отказалась от этой затеи.

— Я и сама со всем справлюсь. Все равно целыми днями маюсь от безделья, так хоть приберусь лишний раз.

Тан Шэнь не стал с ней спорить. В итоге все заботы по дому легли на плечи Тётушки Яо и слуги Фэнби.